Полночные молитвы

Rating:	Explicit
Archive Warning:	Creator Chose Not To Use Archive Warnings
Category:	F/M
Fandoms:	The Grisha Trilogy - Leigh Bardugo, Shadow and Bone (TV)
Relationships:	Алина/Александр Морозов, Алина/Дарклинг, The Darkling | Aleksander Morozova/Alina Starkov
Characters:	Alina Starkov, The Darkling | Aleksander Morozova, Алина Старкова, Дарклинг, Александр Морозов
Additional Tags:	Plot What Plot/Porn Without Plot, Porn with Feelings, Power Dynamics, Power Imbalance, Cunnilingus, Restraints, Alternate Universe - Canon Divergence, Alternate Universe - Arranged Marriage, Excessive use of pet names, Mildly Dubious Consent, Dirty Talk, Vaginal Sex, Vaginal Fingering, Dom/sub, He eats her out on her throne :/, Перевод на русский | Translation in Russian, Don't copy to another site
Language:	Русский
Stats:	Published: 2021-04-24 Words: 3,388 Chapters: 1/1

Полночные молитвы

by Tersie

Summary

> Милосердие — это для Святых.

Notes

See the end of the work for notes

- A translation of Midnight Prayers by vuas

От мраморных полов и высоких окон ее золотой клетки пробирало холодом. Бесшумно касаясь босыми ступнями пола, залитого лунным светом, Алина тревожно кусала губы. Претворить задуманное в жизнь надо незамеченной — и двигаться быстро, иначе и без того шаткой надежде не дожить до рассвета.

Ночью Большой дворец превращался в почти незнакомое место — когда она выскользнула из своей королевской опочивальни, интерьеры укрывала безрадостная серая тень. Подобие черноты, способной поглотить мир, подгоняемой неумолимым голодом, которому нет конца и края.

…Во многом походя на своего жестокого владетеля.

«Сегодня — другим путем», — мысленно повторила Алина, ныряя за угол, когда мимо промаршировали опричники, не подозревавшие о ее присутствии. На этот раз — кухни. Была там одна дверь, которую она приметила во время дегустации меню для скорого саммита министерства торговли, — и если старые чертежи, спрятанные в потайном ящике ее стола, не лгали — то эта дверь выведет прямо в небольшой внутренний дворик, где располагались дворцовые сады. К свободе. К…

— Видится мне, — протянул скучающий голос из темноты, — это — одно из самых дальних расстояний, на которые ты сподобилась в своих глупых попытках побега.

Помянув Святых в не самом лицеприятном свете, Алина замерла. Принудила себя посмотреть ему в лицо — ее муж, сложив на груди руки, с невозмутимым видом прислонялся к дверному проему. В выражении Александра сквозило веселье — его взгляд оценивающе прошелся по скромному рюкзаку за ее плечом и паре тяжелых сапог в руках.

— Самое дальнее. Пока, — надменно поправила она, разглаживая перед ночной рубашки.

Он что-то промычал, выражая то ли согласие, то ли серьезное сомнение.

Оттолкнувшись от стены, Александр неторопливо пересек пространство между ними и протянул руку. С трудом подавив желание врезать ему, Алина сдала сначала сумку с хлебом и вяленым мясом — добычу нескольких дней с обеденной трапезы, затем зимние сапоги. Бегло осмотрев их, он приподнял брови, перейдя к содержимому рюкзака.

— В прошлый раз еды было больше.

Она пожала плечами.

— С монетами легче, чем с припасами на неделю.

— Неделю? — от удивления он аж прицокнул языком. — Какого же плохого мнения моя дорогая жена обо мне, если считает, что мне потребуется столько времени, чтобы ее выследить.

Ей не понравилось, как прозвучавшее слово «жена» сладким медом осело в груди.

— Можешь считать меня неисправимой оптимисткой.

Свет луны посеребрил его щеку, очерчивая шрамы — творения ее рук, но, к несчастью, Александр был по-прежнему преступно прекрасен — прядь темных волос небрежно спадала на лоб, еще больше густых завитков были заправлены за уши. Снова пора стричь, вскользь отметила Алина, гадая, попросит ли он о маленькой услуге, как в тот раз. Хорошо помнила, как он откидывал голову, обнажая перед ней уязвимую шею.

Но в ее руке не было истинной стали гришей, оружия, что способно его убить. Всего лишь издевка, еще одно утверждение власти, урок. Наглядная демонстрация того, как крепки прутья клетки.

Почти позволять ей сбегать — было из того же числа.

Пробило полночь — бой часов разнесся по коридорам. Александр взял ее руку и поднес к своим прохладным губам. Это тоже был не простой поцелуй — нечто похуже, чем обручальное кольцо на ее пальце.

С нарочитой медлительностью он прикоснулся к каждой костяшке.

— Какая удача, что я нашел тебя. Сегодня ночью похолодает. Было бы печально, если Морозко захотел бы умыкнуть тебя в свое логово.

Удача… Алина нахмурилась, не справившись с прорвавшейся по-детски нелепой обидой. Едва ли удача имела какое-то отношение к тому, как он возникал из тьмы среди ночи, едва она переступала порог золотой клетки. Ментальная связь между ними — вот что позволяло ему находить ее лучше самой умелой ищейки. Невидимый узел, что намертво сцепил их воедино. Распутать его она не могла, и это сводило с ума.

— Зимнему королю надобны только прекрасные девицы, а я — твоими стараниями — определенно не вписываюсь в последнее, — сухо парировала она. — Мне казалось, из нас двоих ты лучше вчитывался в сказки.

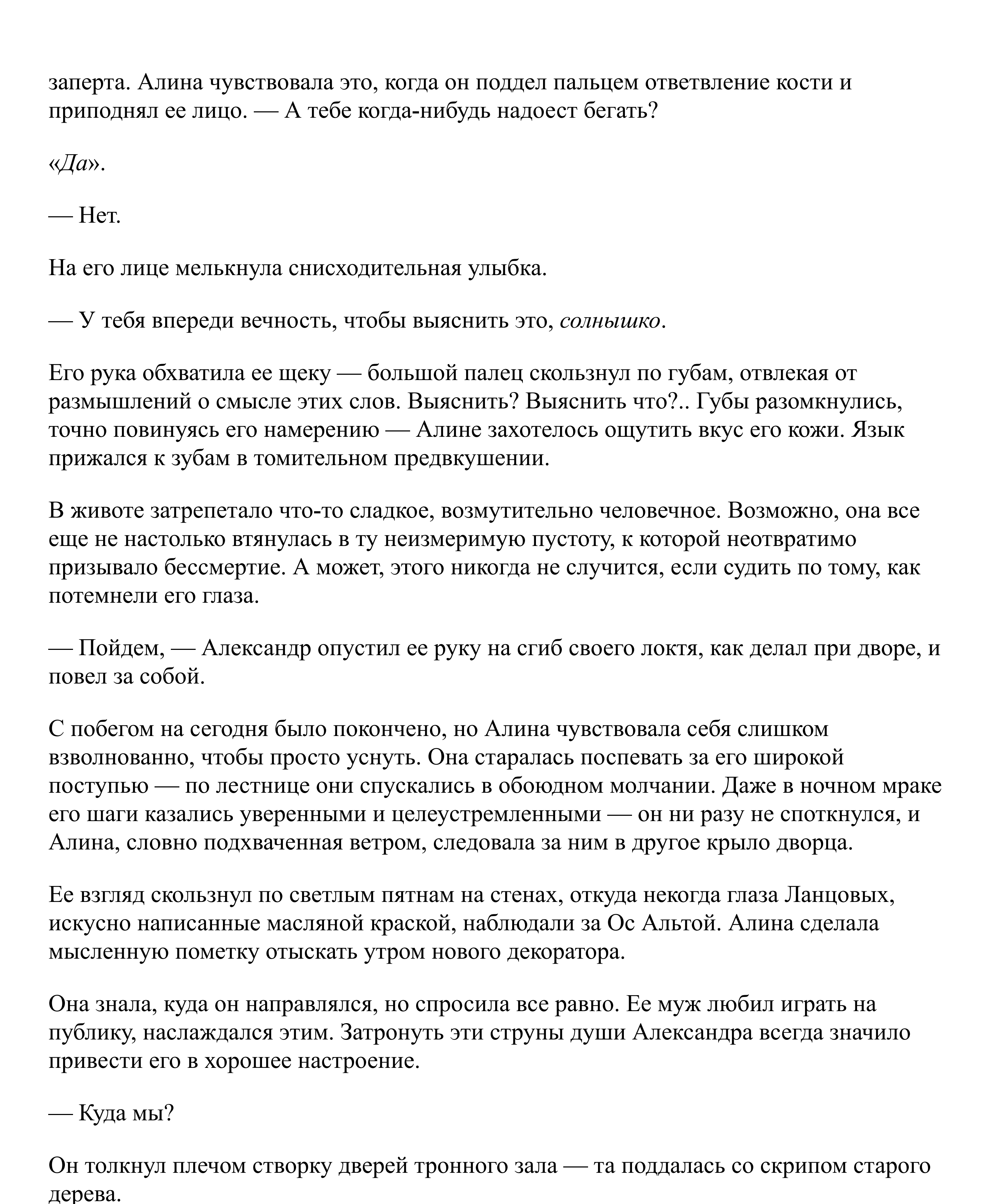
Александр наклонил голову.

— У некоторых бывают довольно странные вкусы.

Вопреки всякому здравому смыслу она почувствовала, как губы дрогнули в улыбке. Будто что-то щелкнуло в ее напряженно прямой спине — Алина расслабилась, позволив притянуть себя к щедрому теплу его груди. Оно окутало ее, словно о чем-то с надеждой спрашивая. Вздохнув, Алина прижалась лбом к его ключице, устало оседая в его объятиях. Раздражение как рукой сняло.

— Тебе не надоело гоняться за мной? — поинтересовалась она, надув губы.

— Нет, — Александр провел по ее волосам, не забыв коснуться оленьего ошейника. Сейчас он напоминал того, кто дергает запертую дверь, дабы убедиться, что она

заперта. Алина чувствовала это, когда он поддел пальцем ответвление кости и приподнял ее лицо. — А тебе когда-нибудь надоест бегать?

«*Да*».

— Нет.

На его лице мелькнула снисходительная улыбка.

— У тебя впереди вечность, чтобы выяснить это, *солнышко*.

Его рука обхватила ее щеку — большой палец скользнул по губам, отвлекая от размышлений о смысле этих слов. Выяснить? Выяснить что?.. Губы разомкнулись, точно повинуясь его намерению — Алине захотелось ощутить вкус его кожи. Язык прижался к зубам в томительном предвкушении.

В животе затрепетало что-то сладкое, возмутительно человечное. Возможно, она все еще не настолько втянулась в ту неизмеримую пустоту, к которой неотвратимо призывало бессмертие. А может, этого никогда не случится, если судить по тому, как потемнели его глаза.

— Пойдем, — Александр опустил ее руку на сгиб своего локтя, как делал при дворе, и повел за собой.

С побегом на сегодня было покончено, но Алина чувствовала себя слишком взволнованно, чтобы просто уснуть. Она старалась поспевать за его широкой поступью — по лестнице они спускались в обоюдном молчании. Даже в ночном мраке его шаги казались уверенными и целеустремленными — он ни разу не споткнулся, и Алина, словно подхваченная ветром, следовала за ним в другое крыло дворца.

Ее взгляд скользнул по светлым пятнам на стенах, откуда некогда глаза Ланцовых, искусно написанные масляной краской, наблюдали за Ос Альтой. Алина сделала мысленную пометку отыскать утром нового декоратора.

Она знала, куда он направлялся, но спросила все равно. Ее муж любил играть на публику, наслаждался этим. Затронуть эти струны души Александра всегда значило привести его в хорошее настроение.

— Куда мы?

Он толкнул плечом створку дверей тронного зала — та поддалась со скрипом старого дерева.

— После тебя.

Как и прочие анфилады и комнаты дворца, освещаемый одним лишь звездным светом зал навевал мысли о неведомой темной реальности. Мерещилось, что тени движутся, будто призраки, пускаясь в неведомую пляску, колонны искажались в их неясной игре. Александр был прав: власть Морозко чувствовалась в ледяном ветре, свистящем за окном. Зима полноправно вступила в свои права.

Они спустились по парадной лестнице, как просители-крестьяне. Селедка и рожь, подумала Алина, когда на возвышении показались два трона Равки. Над каждым изголовьем по эмблеме, инкрустированной золотыми листьями: на одной — затмение, на другой — солнце с заостренными лучами.

Некогда она уже стояла здесь — в другой жизни. Маленькая и напуганная, рядом с Дарклингом, до того, как он научил ее подчинять себе могущество и брать за него ответственность. До того, как он научил ее носить корону.

— Всегда казалось, что эти узоры излишни, как считаешь? — Алина приподнялась к его уху на цыпочки, чтобы ее негромкий голос слышался сквозь глухой рев метели. — Впрочем, так я никогда не перепутаю, какой из них мой.

Александр не сдержал смешка, и она приободрилась, довольная тем, что нашла щель в его непроницаемой маске.

Он кивнул на ее пустовавшее место.

— Раз так… Продолжай.

Алина наморщила нос, глядя на возвышение.

— В самом деле? Ты же знаешь, как я это терпеть не могу.

— Правда?

Внезапно в воздухе явственно застыло предчувствие скорой перемены: Алину как озарило — они еще на его игровом поле, подданные ночной тени. До рассвета много часов, а она не искупила и малость своих прегрешений.

— Это была не просьба, *милая*, — любезно уточнил Александр, когда она не шелохнулась. — Не принимай мое терпение за то, чем оно не является.

Таков он был, Король Теней, Черный Еретик — Дарклинг. Ее бессмертный муж, опасный, жестокий и слишком красивый.

Готовый миловать — только потому, что супруга уже испытала его, насколько ей того хотелось, сегодняшней ночью — шаги Алины были тихими, когда она начала подниматься по ступенькам, она не желала нарушить таинственный хрупкий покой тронов. Будто перед ней дремали чудовища, способные схватить ее когтями, почуяв страх или, не приведи Святые, излишние амбиции.

Но все-таки опыт укрощения монстров у нее имелся.

— Я хочу заключить пари, — голос Александра гулко прозвучал в пустом зале.

— Не думала, что тебя привлекают азартные игры, — улыбнулась она, устраиваясь на своем неуютном золотом кресле. Ее взгляд остановился на муже, каким бы ужасным существом он ни был. Прямой и гордый, с военной выправкой убравший руки за спину.

Но Алину не обманывал его игриво-ласковый тон — Дарклинг делал ставки только, когда знал исход. Чтобы полагаться на волю случая, ему не хватало изъянов молодости.

Это означало — она попала в беду. Как это часто бывало.

— Тебе даже неинтересно послушать?

— Ты все равно расскажешь мне сам. Ты не умеешь затыкаться…

Алина оборвала себя слишком поздно.

«*Глупая, глупая, глупая*!» — мысленно застонала она, когда на его лицо опустились тени. Не смела дышать, подавляя каждый инстинкт, что кричал бежать, когда волна *гнева-любопытства-желания* захлестнула их связь.

Обычно дерзости обходились дешево — у него всегда находилось, чем подразнить ее. Может, ему даже нравилось, в присущей ему извращенной манере.

Но сегодня такому случиться было явно не суждено.

Алина вжалась в спинку трона, подняв на мужа извиняющийся взгляд — он не встретил его великодушием.

У его ног завихрились тени, когда он неспешно поднялся на возвышение к ней — должно быть, почуяли его участившийся пульс или концентрацию — все, что в этот самый миг было направлено на нее. Встав перед ней, Александр опустил руки на подлокотники ее трона, наклоняясь, чтобы заглянуть ей в лицо. По правде говоря, это всегда пугало. И будоражило, чего скрывать. Запертая под ним как в ловушке, Алина чувствовала, что оказалась именно там, где он хотел, и так, как он хотел.

— Ты же знаешь, я ценю твою уступчивость, — наконец заговорил Александр, голосом гладким, как стекло. — Но у меня создалось впечатление, что ты забыла, кто здесь хозяин.

Алина сглотнула, и его взгляд коснулся ее дрогнувшего горла — хищник подбирался к загнанной жертве.

Она решилась на небольшой почтительный кивок.

Он поцокал языком.

— Разумеется, я виню себя, мою склонность к… снисходительности, когда дело касается тебя, — муж протянул руку, накручивая на палец прядь ее волос, в проявлении почти-нежности. — Есть в тебе жилка этого беспардонного упрямства — поверь, я не возражаю. Но мне бы очень не хотелось, чтобы оно уничтожило то, что мы с таким трудом построили.

— Да, — выдержав паузу, прошептала Алина. От того, что секундой позже сорвалось с ее губ, щеки порозовели — в основном потому, что она никогда не произносила это

вслух без существенной доли сарказма. А без него это звучало почти непристойно:
— *Мой соверенный*.

Алина осмелилась поднять глаза, бросить взгляд из-под опущенных ресниц — он застыл, костяшки сжатых пальцев побелели. Не нужно уметь видеть в темноте, чтобы понять, как на него это действовало. Как на него действовала *она*.

— Алина… — выдохнув, сказал он, как будто нечаянно, приподнимая ее лицо за подбородок. Изучая его — что он там искал, она не знала. — Моя маленькая непослушная женушка. Что же с тобой делать?

Алина чувствовала, что тонет в его глазах цвета темного кварца.

В их глубинах был не гнев. Точно нет, когда Александр упал на колени. И нет — когда подол ее ночной рубашки пополз по бедрам, и даже когда его затянутое в черное тело вклинилось между ее колен, закидывая ее стройную ногу себе за плечо.

— Я… Разве ты не собрался наказать меня? — выпалила Алина. Жарко!.. Ее руки вцепились в его кафтан, потому что ей отчаянно хотелось за что-то держаться.

Он выгнул бровь, коротким движением подтягивая ее бедра ближе к краю трона.

— Я имею в виду! — быстро поправилась она. — Это тоже сойдет!

— С тобой трудно, когда дело доходит до выбора между удовольствием и наказанием, — промурлыкал Александр, проводя носом по внутренней стороне ее бедра. Он делал это бессчетное количество раз, но всякий раз она чувствовала себя неготовой, с трепетом ожидая ощутить его язык там, где пряталась ее самая потаенная слабость.

— И мне следовало бы поступить справедливо, — Его пальцы чувственно скользнули по ее щели, и он поднял их, любуясь неоспоримым свидетельством ее возбуждения на свету. — Следовало перекинуть тебя через колено и сделать так, чтоб ты неделю сидеть не могла. Но у нас будет на это время. Тем более, это ведь так… по-крестьянски, не находишь? Слишком примитивно для моей дорогой Алиночки, — Александр поднес влажные пальцы ко рту, обсосал один. — Она не ведется на мои уловки.

Алина сглотнула. В этот самый миг ей трепетно хотелось на них повестись.

— Ты жаждешь покинуть меня, — пропел он, склоняя черноволосую голову, чтобы прильнуть к ней языком, пока вскрик Алины не растворился в ночи. — Сегодня я позволю тебе выйти за ворота.

Алина прикусила губы, с трудом сдержала рвущийся нетерпеливый стон, едва жар языка принялся терзать ее, потом сдержала второй, когда его проклятый всеми еретиками язык медленно прошелся по кругу и отступил. Александр отстранился, принуждая ее беспомощно корчиться, пока его губы коснулись клитора, легко, словно перышко.

— Тебе всего лишь нужно… потерпеть.

Она растерянно заморгала, пытаясь уловить смысл его слов.

— Что?!

— Скажем, всего час. Сегодня я чувствую странное великодушие, милая.

— Я не… Я не понимаю!

— Таково мое условие, — Александр раскрыл ладонь, оглаживая ее живот. Один палец невзначай скользнул по трепетной плоти, собирая больше влаги. — Мы побудем здесь, пока не истечет час, а после ты убежишь, куда захочешь — если не кончишь, конечно. В противном же случае… Да, ты останешься со мной во дворце.

Алина задрожала.

— И ты просто… отпустишь меня? Просто так?

— Моя дорогая девочка, я никогда не лгал тебе. — В его словах звучала такая искренность, что она почти поверила ему.

Дарклинг не делал ставок, если не был уверен в победе. Что ж, когда ей не хотелось оспорить эту отвратительную уверенность? Высокомерие щелкнет по носу его самого! Как же Алине хотелось в это верить, как и в то, что он не заметил ее улыбки — все казалось слишком просто, слишком…

Полустон, слетевший с ее губ, мог показаться писком, визгом, сдавленным воем — одним словом, чем-то совершенно нечеловеческим. Так или иначе, он прозвучал непристойно звонко в огромном тронном зале, и Александр откинулся назад, с ухмылкой на блестящих от влаги губах и подбородке.

— *Лапушка*, ты разбудишь все крыло, — упрекнул он и сотворил своим языком еще одну ужасно греховную вещь. — Хотя бы сделай над собой усилие.

И ох — она серьезно просчиталась, как всегда недооценила его одержимость быть на шаг впереди. Пусть он немало раз преклонял колени перед своей маленькой Святой, но никогда — так. Никогда не демонстрировал ей пальцы, влажные от ее возбуждения, а его рот никогда не издевался над ней с пылом, будто все прошлое казалось легкой разминкой, снежинкой по сравнению с грандиозной лавиной.

— Ха-а… Алекс… Александр!.. — пролепетала она, упираясь затылком в золотое солнце трона. О чем она хотела попросить? Предупредить? Похвалить? Людская речь вмиг вылетела у нее из головы — Алина вскрикнула особенно пронзительно, когда он со знанием дела приник к ее клитору.

Дрожь от его вопрошающего «хм?» пробрала до костей: ее бедра вздрогнули, тело сжалось, напряглось, как натянутый лук. Алина уже не знала, что ей ненавистней: вид ее ноги, переброшенной через его плечо; его большие руки, надежно не дававшие ей

увильнуть, или то, как он брал ее, упиваясь ее неприкрытой страстью. Сама того не замечая, Алина зарылась руками в этих растрепанных волосах цвета чернил.

— Что-то не так, милая? — Александр приподнял голову после очередного, особенного громкого ее вопля — его глаза казались почти черными, губы порочно блестели. Шероховатая костяшка пальца с томительной медлительностью погладила чувствительный бугорок.

Пальчики на ее ногах поджались от прилива новых ощущений — тело как всегда услужливо отвечало на его ласки. Алина яростно замотала головой, ценой невероятных усилий сдержав порыв вернуть его к делу за лохмы.

— Ты же не собираешься кончать прямо сейчас? — с нарочитым недоверием «ахнул» он, просовывая скользкий от слюны палец в ее тело, остановившись, когда металл его кольца едва не коснулся плоти. Муж не сводил с нее глаз, еле заметно поглаживая, пока Алина не всхлипнула сквозь стиснутые зубы.

— Ах, неужели настолько приятно? — прошептал он с триумфом в своем нечестивом взгляде. — Тебе нравится, когда я трогаю здесь? — Еще одна томительно короткая ласка, и еще один жалобный всхлип. — Это нормально. Ты можешь все мне рассказать.

Алина слабо кивнула, стараясь вспомнить, как дышать, но мышцы сжимались все сильнее — словно у нее осталась одна спасительная соломинка, за которую на всем белом свете мог потянуть лишь он.

Но Александр поцокал языком, невозмутимый до боли.

— Выражайся словами, Алина.

— Да-а… — выдохнула она, стараясь не думать, что творится под ней на троне. Успеет ли все высохнуть до утра? Или любой придворный при взгляде на свою царицу догадается, что она вытворяла этой ночью?

— «Да»… кто?

Каким чудом ей удалось не закатить глаза.

— Мой совереннный.

Ее муж одобрительно мурлыкнул. И вставил в награду второй палец, растягивая ее больше.

— Хорошая девочка, — Он поцеловал ее, щекоча бородой обнаженную кожу бедра. — Я знаю, бедняжка. Столько впечатлений. Но тебе хватит сил продержаться еще немного.

— Н-нет!..

— Маленькая мокрая щелка, — прошелестел он, сопровождая слова постыдно влажным хлюпаньем ее тела, едва не заглушившим ее недовольный вскрик. — Я

должен был догадаться.

Алина заерзала, попыталась оттолкнуть его — на собственном опыте знала, что еще немного, и не останется «если» — только «когда». И снова недооценила его вероломство, когда он со смешком скрутил ее, снова распахивая ее ноги без особых усилий. Его тени обвились вокруг ее запястий и лодыжек, образовав прочные оковы подчинявшейся ему пустоты.

— Пожалуйста-а!.. — хрипло взмолилась она перед лицом неизбежного. Может, в вящей надежде, что не придется признавать правду и горький стыд, что придет вслед за ней.

— Тише, — Александр баюкающе сжал ее лицо в своей теплой ладони. — Больше никаких слез, любимая. Ты знала, на что шла.

— Но…

— Милосердие, — Он ласково поцеловал ее мокрую от слез щеку, беспощадный во всей своей сути. — Оставим для святых.

Тени сомкнули свою хватку, когда его губы прильнули к ней вновь: Алина икнула, беспомощная ему помешать. Вернув пальцы к ней, он огладил тайное место, которое знал слишком хорошо, помогая себе языком. Казалось, он и вечность готов простоять так, лишь бы слышать, как ее протесты стихают, сменяясь восторженными криками.

И, возможно, это было свое рода милосердие: брать то, чего она не могла дать в страхе потерять часть себя; сыграть для нее в злодея, как он обещал много лет назад; удерживать ее во дворце, как в клетке, чтобы ей не пришлось признать…

— А-ах, Александр! — простонала Алина, глядя, как он работает головой, припечатав ладонью ее живот, не давая сдвинуться с трона. — Я… Я сейчас…

— М-м… — От ужасных влажных звуков под его пальцами она залилась краской до ушей, как и от слов, прошелестевших у самой кожи: — Кому-то может показаться, что ты не очень-то стремишься покинуть это место.

Ее передернуло.

— Н-н… все не-е…

— Тише, милая, — повторил он, не тронутый ее слезами. — Ты получишь свой оргазм на этом самом троне, который я воздвиг для тебя — и ты останешься. Здесь. Со мной.

Вдруг нутро стянуло в спираль — ее тело отказалось ей принадлежать, откинутое на гребень беспощадной волны эмоций и чувств. Теневые оковы были крепки — сколько бы она не билась, не пыталась стиснуть его пальцы внутри, все — тщетно. Александр довел ее до грани, превратив в одуревшую от возбуждения девчонку, зарыдавшую от облегчения, когда тело сотрясла крупная дрожь.

Алина не заметила, как рассеялись тени, как муж взял ее на руки, опускаясь с ней на свой трон, усаживая себе на колени, чтобы жадно ворваться в ее тело. Не замечала, как он слизывал слезы с ее щек, шепотом увещевая всхлипы, благодаря за покорность.

Как тряпичная кукла Алина растеклась по его груди, почти не чувствуя движения члена, обхватывая руками его шею — не в силах делать ничего другого, кроме как внимать непристойностям, слетавшим с его губ.

— Милая моя женушка, — нашептывал Александр. — Вот и все, чего ты хотела?

— Да, да, да... — повторяла она как сама не своя.

— Тебе стоило лишь попросить.

Горячие руки сжали ее грудь, огладили талию, подергали за волосы, заставляя выгнуть спину. Алина уткнулась лицом в его шею — каждое прикосновение пробуждало магию под ее кожей, усиленную многократно самой его близостью.

— Александр… — выдохнула она, безвольно болтая головой, пока он вбивался в нее, не жалея.

— Нет.

Слишком обессилевшая для досады она прикусила губу.

— Мой сувере…

— Попробуй еще, лапушка.

У ее мужа было слишком много имен. Но она знала то, верное, которое скрывало меньше, чем все остальные.

— *Саша*… — Она прижалась к нему, покачивая бедрами и чувствуя под ладонями дрожь, что кралась по его спине. Имя рассекло его со смертельной точностью, не оставляя после себя ничего. Он брал ее дико, жестко, до боли.

— Теперь хорошо, — Его глаза блестели, как остекленевшие, он облизнул губы.
— Умница девочка.

Похвала прошлась по ней, как само солнце, и Алина испытала его свет изнутри — каждое его прикосновение лучом опутывало сердце.

— Саша, хороший мой… Пожалуйста…

Теперь содрогнулся он — и кончил, погрузившись глубоко в ее безоговорочно признавшее поражение тело. Внутри стало горячо, он обхватил ее затылок, прижимая ее голову к своей груди. Прошелся дорожкой сытых поцелуев по плечу, и эхо бесконечных «моя, моя, моя…» отдалось терпким наслаждением в узах, что навечно связывали их.

Александр не разжимал рук, пока его дыхание не выровнялось, пока его влажный от пота лоб не остыл — не отпускал до тех самых пор, пока метель не стихла с первыми лучами утреннего света.

Не отпускал.

— Алина.

— Да?

— Останься на зиму, — попросил он, уткнувшись в ее волосы, голосом тяжелым от навалившегося сна. Его рука давила ей на спину. Алина не думала, что сможет ее сдвинуть.

Их взгляды встретились в полумраке, но она ничего не ответила.

End Notes

A translation of Midnight Prayers by vuas.